

Встреча для вас

Появление на экранах страны фильма «Покаяние» вызвало заметный резонанс среди специалистов кино, а главное — у зрителей. Фильм — память, фильм — протест против зла во всех его проявлениях может нравиться или не нравиться, но, наверное, никого не оставит равнодушным. Впрочем, как и предыдущие работы его создателя — народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Грузинской ССР имени Шота Руставели, известного советского кинорежиссера Тенгиза Евгеньевича Абуладзе, чьи фильмы — «Лурджа Магданы», «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Мольба», «Древо желания» — отмечены наградами мно-

гих международных кинофестивалей. По просьбе «Комсомолец Узбекистана» московский журналист Вячеслав Долганов беседует с мастером.

— Ваши фильмы удивительно жизненны и правдивы.

Смотришь их и словно снова и снова встречаешься с уже знакомыми тебе людьми, узнаешь их лица, голоса, поступки...

— Приходу в художественное кино предшествовала у меня работа в документальном кинематографе. Мы, молодые режиссеры, учившиеся сначала в Грузинском государственном театральном институте имени Шота Руставели, а затем поступившие во ВГИК, продолжившие учебу у С. Юткевича, Л. Кулешова, других известных

мастеров, много ездили, знакомились с сотнями людей, учились видеть неповторимое своеобразие природы мест, где мы бывали. Я, например, делал киноэскизы об архитектуре Сванетии, Мшатушени, грузинского высокогорья.

— Отсюда, наверное, во всех ваших фильмах — поэзия чувств героев, призыв к

активному добру, призыв к зрителям не разминывать чудо человеческой жизни на суетные мысли и мелкие поступки!

— Понимаете, это можно называть как угодно, но для меня очень важно помочь человеку увидеть себя, скажем, таким, каким он мог бы стать, но не стал в силу каких-то жизненных причин. И это, думаю, не отступление от принципов правды жизни на экране, не идеализация самой жизни, а поиск лучшего, высокого, истинного в каждом из нас. Задумывая новую картину, я ищу для нее в первую очередь настоящую, как ее называют в кино — крепкую, литературную осно-

ву. В нашем совместном с Резо Чхеидзе фильме «Лурджа Магданы», получившем в 1956 году высокую награду Каннского кинофестиваля, это был рассказ Е. Габашвили. «Я, бабушка, Илико и Илларион» — экранизация великолепной, очень человеческой повести Н. Думбадзе. В основу «Мольбы» легли поэмы Важа Пшавелы, исполненные стрем-

привычки, обычая. Но при этом вряд ли кто-то осмелится назвать Ваши работы сугубо «грузинскими», адресованными только Вашим землякам. Отчего, на Ваш взгляд, так происходит?

— Если любишь свою землю, свой народ по-настоящему, а не просто декларируешь эту любовь, она никогда не даст тебе смотреть на мир

циональном пространстве, не слыша и не видя (да и не стремясь этого сделать), что происходит у соседа, теряет связь и со своим народом.

— Признаться, кое-кого из зрителей и даже специалистов удивило, что именно фильм «Покаяние» стал завершением Вашей трилогии, начатой «Мольбой». Он и вправду отличается от двух предыду-

подсказки, если ему дороги настоящее и будущее. Сложности и незаурядности мыслей последних полутора с лишним лет нашей жизни, периода обновления, духовного очищения общества. Процессы в общественной жизни происходят крайне непростые, нельзя, как мне кажется, и нам подходить к ним упрощенно, аз-

БУДЬ БДИТЕЛЬНОЙ, ПАМЯТЬ

ления к добру, истине, свету, поэзии человеческих чувств и отношений, а «Древо желания» — стихотворения в прозе Г. Леонидзе.

То есть, всегда ищущего автора, который помог бы мне обратиться к зрителю с приглашением — скажем так — к серьезному размышлению, даже проблематике добра и зла, истинного и наносного в человеке, его разуме, чувствах, мечтах и делах.

— Увлечение кинодокументалистикой, внимательное и пристальное изучение родного края позволяют Вам в своих картинах с удивительной точностью и образной полнотой воспроизводить природу Грузии, показывать до мельчайших подробностей быт,

узко, в пределах своего небольшого оконца. Ведь говоря о земляках, я хочу, чтобы их узнали и полюбили люди любой другой национальности. Это, мне кажется, возможно тогда, когда размышляешь о живом человеке, радуешься его радостям и болеешь душой вместе с ним, иногда иронизируешь над какими-то его привычками, не приемлешь в нем ничего дурного... Согласитесь, это отличается от любования некоей идеализированной схемой, когда «свой» герой во всем прав и безгрешен, когда любой его шаг оправдывается даже в тех случаях, когда оправдать трудно. Кстати, подобная идеализация, как мне кажется, приводит к тому, что художник, замыкаясь в узком на-

щих системой построения образов, стилистикой, пластическими решениями.

— Конечно, не автору судить о своей работе, но тут можно поспорить. Главное для постановочной группы — что этим фильмом мы как бы подвели итог раздумьям, заложенным во всей трилогии. О нравственности и аморальности, об испытании человека властью и роли художника в обществе.

Но в целом — это все то же размышление о Времени и Человеке, которое влекло и влечет меня смолodu. А что касается сложности... Согласитесь, мы стали мыслить сложнее, неординарнее. Таков наш день — день ответственных решений, которые каждый обязан принимать сам, без

бучно. Впрочем, и об этом мы хотели сказать в «Покаянии».

— Фильм вышел на экраны, вызвал живой интерес у миллионов людей, споры и дискуссии. Однако, как Вы сами говорите, это завершение трилогии, многолетнего труда. Что дальше?

— Дальше? Продолжение жизни, в которой, как в течении стремительной горной реки, сталкиваются человеческие мысли о Долге, Совести, Правде. Хотя мне уже и шестьдесят, хоть много лет отдано кино, но всего об этих вечных, об этих остро современных понятиях, конечно же, еще не сказал. На столе — новые книги, в сердце — новые замыслы.